

Всеволод Николаевич Образцов
(Государственный Эрмитаж)

Чесменское сражение 24–26 июня 1770 г.
в эскизах «Чесменской серии» Я. Ф. Хаккерта

В более чем трехсотлетней истории российского военно-морского флота Первой Архипелагской экспедиции 1769–1775 г. и ее центральному событию, Чесменскому сражению, принадлежит особое место — это была первая крупномасштабная морская операция, проведенная вдали от российских берегов. Сама же баталия оказалась настолько блистательной и беспримерной по масштабам потерь (11 человек со стороны россиян и более 11 тысяч со стороны турок), что поразила не только современников — спустя столетия продолжает привлекать к себе внимание исследователей. За все время

изучения Chesменского триумфа было проработано значительное число источников, однако часть из них по-прежнему остается вне поля зрения исследователей. В частности незаслуженно обойдены вниманием произведения живописи, посвященные этому событию, и в числе первых из них, можно назвать эскизы к картинам так называемой «Чесменской серии» немецкого художника Я. Ф. Хаккерта, создававшиеся по заказу Екатерины II для Чесменского зала Большого Петергофского дворца в 1771–1772 гг. Автор данного сообщения имеет перед собою цель несколько восполнить существующий пробел.

Достоверность картинам Хаккерта обеспечивает второй пункт заключенного с ним договора, по которому требовалось, чтобы художник «следовал наставлениям, которые ему давали... Орлов и Грейг... дабы он ни в одном пункте не мог ошибиться»¹. Кроме того, Хаккерту были предоставлены специально изготовленные планы Чесменской бухты с расположением в ней обеих эскадр. Тем не менее, эти эскизы могут быть привлечены к исследованию только после сопоставления с данными других источников.

Оставляя за рамками сообщения многие подробности Чесменского сражения, автор сконцентрируется исключительно на тех его сюжетах, которые нашли отображение в произведениях Я. Ф. Хаккерта.

Первый эскиз, «Начало сражения при Чесме в Хиосском проливе 24 июня 1770 года», изображает момент подхода российского флота, разделенного на три дивизии, к турецкому, стоящему на якоре в две линии полумесяцем ближе к берегу. На кораблях подняты вымпела красного цвета. Слева крупным планом изображен турецкий корабль, окутанный пороховым дымом, флаг — красный. Данные, приведенные в журнале С. К. Грейга, позволяют предположить, что это 84-пушечный флагман «Реал-Мустафе»². Сразу за ним виден красно-желтый флаг 90-пушечного корабля Капудана-паши³. В глубине картины виден еще один флагман — 80-пушечный корабль Джаффар-бей⁴, флаг на нем — красный с зеленым. На материке, позади турецкого флота, находится турецкий лагерь со значительным вспомогательным корпусом, «который, как узнали после от пленных, должен был замещать убыль от убитых и раненых на кораблях»⁵. Сам лагерь скрыт кораблями, в левом углу эскиза видна только его часть и некоторое количество малых судов.

Правую часть картины занимает изображение трех дивизий российского флота, идущего в кильватерном строю на сближение с турками. Авангард, в составе кораблей «Европа» (командир —

Ф. А. Клокачев), «Св. Евстафий Плакида» (А. И. Круз) и «Трех Святителей» (С. П. Хметевский), имеет вымпела синего цвета. На «Св. Евстафий» поднят флаг адмирала Г. А. Спиридова. Видно, что головной корабль российской эскадры, «Европа», совершает залп, не убрав паруса и не став на якорь.

Во вторую дивизию входят корабли «Св. Яннуарий» (командир — М. И. Борисов), «Трех Иерархов» (С. К. Грейг) и «Ростислав» (Л. Лупандин). На грот-мачте среднего корабля линии кордебаталии, «Трех Иерархов», поднят кайзер-флаг, свидетельствующий о нахождении на данном корабле главнокомандующего российскими вооруженными силами в Архипелаге графа А. Г. Орлова. Красный флаг, поднятый на фок-мачте, видимо означает сигнал «Гнать за неприятелем!». Все корабли кордебаталии имеют белые вымпела.

В арьергард российского флота входят корабли «Не тронь меня» (командир — П. Бешенцов), «Святослав» (И. Я. Барж), «Саратов» (В. Роксбург), цвет вымпелов — красный. На «Святославе» — флаг контр-адмирала Дж. Эльфинстона.

Изображение, предлагаемое Хаккертом, в принципе соответствует данным других источников, в первую очередь, шканечным журналам кораблей, участвовавших в сражении. Единственное несоответствие касается флага, сигнализирующего приказ о начале боя. Как уже говорилось выше, на картине он изображен на фок-мачте корабля «Трех Иерархов». По нормам же, установленным Морским Уставом и другими аналогичными документами, соответствующий сигнал следовало в «безансь-ванте распустить да один выстрел выстрелить»⁶. Это же подтверждается и записью в журнале корабля «Ростислав»⁷.

Сопоставление шканечных журналов и картины Хаккерта позволяет утверждать, что художник изобразил самое начало боя, а именно момент времени, лежащий около половины двенадцатого часа дня 24 июня: к 9.30 утра вся русская эскадра вошла в пролив и на корабле «Трех Иерархов» убавили паруса, пропуская вперед авангард. Построение заняло около полутора часов, и к 11 часам было завершено. В начале 12-го часа, когда расстояние между противниками было уже менее 3,5 кабельтов, «с неприятельского флота началась жестокая пальба с ядрами»⁸. Русские корабли, не отвечая турецкой канонаде, продолжали сближение. В ½ 12-го часа «с божьей помощью началась от нас пальба»⁹.

Кульминацией сражения 24 июня стал взрыв российского и турецкого флагманов: в пылу боя никто не заметил, как загорелся «Реал Мустафе», пламя с которого перекинулось на «Св. Евстафий».

Вот как изображен этот момент на картине Хаккерта. На переднем плане изображены обломки российского флагмана (в левом углу на переднем плане — стремительно погружающаяся корма). Стремясь, в полном соответствии с пожеланиями заказчиков, подчеркнуть героизм русских матросов, художник изобразил выживших морских служителей, старающихся спасти не только кормовой и адмиральский Андреевские флаги, но и захваченный ими в ходе сражения неприятельский флаг. Кроме того, Хаккерт показывает, что и после взрыва кораблей между спасшимися моряками противоборствующих сторон продолжалось ожесточенное сражение.

В левом углу картины виден горящий, но еще не взорвавшийся «Реал Мустафе». Это дает основания утверждать, что изображенный Хаккертом момент боя хронологически укладывается в интервал от 12 до 12 часов 30 минут пополудни. Утверждение это подкрепляется следующими данными. Сражение, как уже отмечалось выше, началось в 11.30 утра, абордажная схватка между флагманами, пожар на «Реал Мустафе» и взрыв «Св. Евстафия» — около полудня¹⁰, турецкий же корабль взлетел на воздух приблизительно через 15 минут после российского: «Турецкий корабль горел еще с ¼ часа, пока огонь дошел до кюйт-камеры его...», — записано в журнале С. К. Грейга¹¹.

Далее видны российские шлюпки, спешащие на помощь уцелевшим после взрыва. Сигналом этому служит красный вымпел, поднятый на безань-мачте¹² корабля «Трех Иерархов»¹³: «Мало спустя времени на корабле Трех Иерархов учинен сигнал, чтоб со всех кораблей быть вооруженным шлюпкам для спасения людей»¹⁴.

Сразу же после взрыва «Св. Евстафия» в начале 2-го часа, на всех турецких кораблях стали в панике рубить якорные канаты и в поспешности отходить в Чесменскую бухту, что также нашло отражение в творчестве Я. Ф. Хаккерта. В перспективе видны турецкие корабли, втягивающиеся в Чесменскую бухту. Их преследуют российские, выполняющие приказ аншеф-командующего, отданный посредством красного с белым кругом посередине флага, поднятого под кайзер-флагом на грот-мачте¹⁵ корабля «Трех Иерархов», который, вместе с кораблем «Ростислав», продолжает сражение с отстающими неприятельскими кораблями. Шлюпки, спасавшие людей с взорвавшихся флагманов, возвращаются к своим кораблям.

На переднем плане виден островок, занятый турецкими постами; между ними и отходящими российскими шлюпками завязалась перестрелка. На этом же островке ищут спасение уцелевшие после взрыва «Реал Мустафе» турецкие матросы.

Можно утверждать, что Хаккертом изображен период времени между часом и двумя пополудни: самый ожесточенный бой, от начала атаки до того времени, как неприятель стал рубить канаты и отступить, продолжался полтора часа, затем непродолжительная погоня, длившаяся около 30 минут, и около 2-х часов пополудни весь неприятельский флот находился в Чесменской бухте. Это подтверждается и следующей записью в журнале корабля «Трех Иерархов»: «В половине второго часа видно нам — неприятельские корабли... легли на якоря»¹⁶. «Таким образом кончилось это замечательное сражение 24 июня 1770 г., которое было как бы приступом к последовавшему за тем делу»¹⁷.

На военном совете было принято решение о невозможности выпуска турецкого флота из Чесменской бухты и необходимости атаки 26 июня. Диспозиция, разработанная Г. А. Спиридовым, сводилась к следующему. Корабли ударной группы, пользуясь темнотой, должны были в ночь на 26 июня подойти к противнику на дистанцию 2–3 кабельтова и, став на якорь, открыть огонь по кораблям и береговым батареям противника. Основной задачей представлялось сожжение неприятельского флота при помощи брандеров, каждый из которых должен был подвигаться к намеченному заранее неприятельскому кораблю 10-весельной шлюпкой. При этом эскадре приказывалось воздержаться от артиллерийской, чтобы не помешать делу. Но когда брандеры загорятся и шлюпки отойдут, тогда открыть «ожестокую пальбу» по тем кораблям неприятеля, которые не подвергнутся нападению брандеров¹⁸.

Для атаки выделялся отряд из четырех линейных кораблей («Европа», «Ростислав», «Не тронь меня», «Саратов»), двух фрегатов («Надежда Благополучия» и «Африка»), бомбардирского корабля «Гром» и четырех брандеров, коим отводилось главное место в предстоящем сражении. Отряд отдавался под командование капитан-командора С. К. Грейга.

«В исходе 11-го часа по... учинен у нас сигнал с поднятием с кормового флагштока 3 фонарей с огнем один над другим, который значит, чтоб означенным для атаки неприятеля вышеписанным кораблям, фрегатам, бомбардирскому Грому, тако ж и брандерным судам сняться с якоря и ступить на показанное место и стать на якорь по данной диспозиции...»¹⁹ Сигнал был репетован, и около половины двенадцатого часа корабли российской эскадры стали подходить ко входу в Чесменскую бухту. Однако корабль «Европа», бывший более всех под ветром и опасавшийся песчаной банки, снялся с якоря и вошел в бухту еще до сигнала²⁰.

Именно этот момент изображен на четвертом эскизе Я. Ф. Хаккерта. Левее от вертикальной оси картины виден корабль «Ростислав». Установить это можно, обратив внимание на горящие один над другим три фонаря на его кормовом флагштоке, что, как сказано выше, служило сигналом к началу сражения.

Следует обратить внимание на следующий нюанс картины: все российские корабли, кроме назначенных к атаке, обращены носами в противоположную от неприятеля сторону и как бы вступают под паруса. Возникает предположение, что сделано это для прикрытия атаки ударной группы и ввода неприятеля в заблуждение, хотя факт маскировки нападения не находит подтверждения в других источниках. Таким образом, можно предположить, что прикрытие атаки — либо идея самого Хаккерта, нашедшая одобрение у А. Г. Орлова и С. К. Грейга, либо предложение собственно заказчиков всей серии.

Хорошо видно, что российские корабли не отвечают на канонаду неприятеля. Исключение составляет бомбардирский корабль «Гром»: художник изобразил взрыв выпущенного с него брандскугеля.

Главному эпизоду сражения — взрыву корабля турецкого адмирала — посвящен пятый эскиз — «Гибель турецкого флота в гавани Чесмы». Основываясь на этом изображении можно установить расположение кораблей российской эскадры в Чесменской бухте. Корабли «Европа», «Ростислав» и «Не тронь меня» стоят на якоре при входе в гавань, неподалеку от турецкого флота, бортами к нему; «Саратов» же, стоящий несколько позади, развернут носом к противнику. Такое расположение корабля позволяет предположить, что он предназначен для замены какого-либо другого в случае необходимости.

Справедливость такого изображения корабля «Саратов» косвенно подтверждается и перспективным изображением Чесменского боя на реверсе серебряной медали, учрежденной для нижних чинов, участвовавших в разгроме турецкого флота. В глубине изображения, видны Чесменские укрепления, правее — объятые пламенем турецкие корабли. На переднем плане отчеканено изображение четырех русских боевых кораблей, причем один из них, третий слева, несколько смещен назад относительно других. Резонно будет предполагать, что этот корабль и есть «Саратов».

Взрыв 90-пушечного турецкого флагмана виден в глубине картины. На переднем плане изображен корабль «Трех Иерархов», легко идентифицируемый по кайзер-флагу на грот-мачте. В левой части картины — корабль «Святослав» (три батареи, флаг контр-адмирала Дж. Эльфинстона на безань-мачте), в правой — корабли «Трех Святителей» и «Св. Яннуарий». За последними двумя кораб-

лями, в глубине, видны фрегат «Африка» и бомбардирский корабль «Гром». Второй фрегат, «Надежда Благополучия», находится на левом фланге российской эскадры.

Завершающий «Чесменскую серию» эскиз изображает возвращение кораблей ударной группы к основным силам. На переднем плане картины видны догорающие обломки турецкого флота и оставшиеся в живых матросы, спасающиеся на берегу. В перспективе — возвращающиеся к флоту корабли ударной группы. Корабль «Ростислав», приближаясь к кораблю «Трех Иерархов» салютует главнокомандующему, ему отвечают. Между «Европой» и «Ростиславом» — единственный уцелевший турецкий корабль «Родос». Кормовой турецкий флаг спущен, над ним поднят Андреевский флаг. Из пяти взятых в качестве призов турецких галер на картине изображено только три. Они идут перед флотом, причем на двух из них паруса убраны.

Гарнизон Чесменских укреплений покинул крепость и бежал. Беглецы принесли в Константинополь ужасающую новость об истреблении всего турецкого флота. Барон Тотт, французский резидент в Османской империи, так описывает настроения, вызванные этим известием: «Падишах в живейшей тревоге, министры удручены, народ в отчаянии, столица в страхе перед голодом и нашествием. Таково настоящее положение империи, которая за один месяц перед тем считала себя столь грозной»²¹.

Подводя итог, отметим, что картины Я. Ф. Хаккерта, едва ли не самого знаменитого немецкого пейзажиста XVIII в., представляют значительный интерес не только для искусствоведов. Его эскизы к картинам «Чесменской серии», дополняемые и уточняемые данными других источников, могут и должны быть использованы при реконструкции событий Чесменского сражения.

¹ Цит. по: Никулин Н. И. Якоб Филипп Хаккерт: Каталог выставки ГЭ. СПб., 1998. С. 81.

² Грейг С. К. Собственноручный журнал капитан-командора (в последствии адмирала) С. К. Грейга в Чесменский поход // Морской сборник. 1849. Т. 2. С. 645–660, 715–730, 785–827. С. 801–802.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Генеральные сигналы надзираемые в российском флоте его величества на российском и галанском языке. СПб., 1712. Л. 2–3.

⁷ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 959-а. (Шканечный журнал корабля «Ростислав»). Июль 1769 — июль 1770 гг.). Л. 193 об.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 958-б. (Шканечный журнал корабля бомбардирского корабля «Гром»). Июль 1769 — декабрь 1772 гг.). Л. 162 об.

¹¹ Грейг С. К. Собственноручный журнал... С. 804.

¹² Генеральные сигналы... Л. 4.

¹³ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 959-а. Л. 194.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Генеральные сигналы... Л. 2–3.

¹⁶ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 950-в. (Шканечный журнал корабля «Трех Иерархов»). Июль 1769 — июль 1770 гг.). Л. 193 об.

¹⁷ Грейг С. К. Собственноручный журнал... С. 807.

¹⁸ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 959-а. Л. 195.

¹⁹ Там же. Л. 195 об.

²⁰ Грейг С. К. Собственноручный журнал... С. 809.

²¹ Tott. Memoires du baron de Tott. Amsterdam, 1784. Т. III. (Цит. по: Тарле Е. В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг // Тарле Е. В. Избранные сочинения: В 4 т. Ростов-на-Дону, 1994. Т. 4. С. 65.